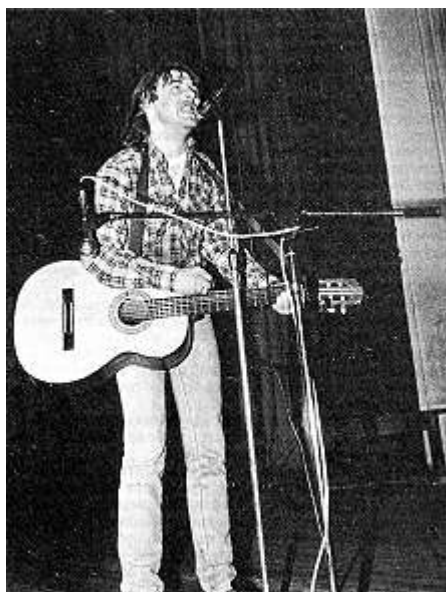

СУДЬБА СКОМОРОХА

В феврале 1988 года мы прощались с АЛЕКСАНДРОМ БАШЛАЧЕВЫМ.

Журналист, выпускник Уральского университета, поэт, он предпочел журналистской карьере трудную, опасную и свободную жизнь бродячего певца: «...из города в город, из дома в дом, по квартирам чужих друзей...» Создал за эти считанные годы около шестидесяти песен, хотя некоторые — «Ванюша», «Егор Ермолаевич» — и песнями-то не назовешь, скорее это былины: каждая из «больших» вещей Башлачева содержит в себе целый мир, целую философию, подобно эпическим поэмам древности.

Несколько лет тому назад меня разбудил утренний телефонный звонок. Глуховатый, чуть смущенный голос...

Чувствую, волнуется очень. «Не могли бы вы послушать мои песни...» Я решился на встречу и благодарен судьбе за это решение.

«Здравствуйте, я Башлачев,— чуть помедлив, добавил: — Александр...» Простое, открытое лицо, помесь мастерового с Леонардо, зуб металлический торчит как-то некстати; достал из немислимо замусоленного чехла гитару а-ля «полный нестрой», схватил ее за горло (писк, треск, негубименядобрымолодецятебеещепригожусь) и закричал...

Как будто свежий российский ветер вдруг заполнил всю мою антикварную кухню. Помню, говорил себе: вроде не играет, не поет, половину слов глотает, почему же мне так радостно и горько на душе, почему сопереживаю я тому, что вижу и слышу? Захотелось немедля сказать ему что-то очень хорошее, доброе, но сдержался, решил: все, что споет, выслушаю, вытяну из него все, что смогу, заставлю раскрыться полностью, истошу, черт его дери...

«Чай-то наш остыл небось...» Стоп, подумал я, это уже не песня. Вот так заговорил, запел меня во время нашей первой и последней встречи прекрасный русский поэт Александр Башлачев...

Какие-то вялые мухи ползали по столу. Мы выпили немного; лимон... Потом я взял свою гитару, он свою; запели из «Битлз», невпопад подстраивая двуголосие...

Что я сказал ему перед расставанием? Кажется, звоните, дескать, чем могу — помогу, бред какой-то нес — что я мог тогда?

Он не позвонил...

Потом часто слышал его записи, перечитывал стихи, что он подарил мне, замечательные стихи, удалые, скоморошья — бесшабашные (уж не потому ли полюбил я их сразу и навсегда), вдруг какие-то резкие, непримиримые, но всегда искренние, с невероятной болью и трагизмом. Трагизмом...

Я понял сразу, почему он выбросился в окно. Это беспроигрышный вариант. Головою вперед:

вроде он вниз упал, а мне все видится другое — полет в небеса, резко запрокинуто его лицо,
волосы развеваются, руки распростерты, глаза устремлены в неведомое...
Это будет первое напечатанное в «Юности» стихотворение поэта Башлачева.

Александр ГРАДСКИЙ